

A digital illustration of a young man and woman under a starry night sky. The man, with short brown hair and blue eyes, is in the background looking up at the stars, wearing a dark hoodie. The woman, with long wavy red hair and blue eyes, is in the foreground looking towards the viewer, wearing a blue top. They are surrounded by a field of pink and white flowers. The sky is dark blue with many bright stars and shooting stars.

ВАЛЕРИЙ
ЛАШИМАНОВ

ОСКОЛКИ
НЕБА

Валерий Лашманов

Осколки неба

«Автор»

2026

Лашманов В.

Осколки неба / В. Лашманов — «Автор», 2026

В сером Анайме, где царят апатия и равнодушие, Мэб выплескивает свою боль на стены ночного города через граффити, а Майра — в строки своих книг. Оба тонут в апатии, находя единственное утешение в своих снах. Там, по ту сторону реальности, они постоянно пересекаются, даря друг другу тепло, которого нет наяву. Мэб направляет кисть Майры, а она его мысли. И каждый из них уверен, что другой — лишь плод воображения. Так происходит до того дня, пока их пути не пересекаются на шумной городской улице, стирая грань между сном и реальностью.

© Лашманов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Осколок I. Синхронизация: 73%	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Валерий Лашманов

Осколки неба

Осколок I. Синхронизация: 73%

Посвящается Дзе ЭйВи

– Скажи мне... что ты чувствуешь? Можешь открыться мне. Я не буду осуждать тебя за те чувства, которые таятся внутри.

– Что я чувствую? Тепло, нежность, уют, заботу. Мне приятно находиться рядом с тобой. Я рада, что встретила тебя, хоть это и...

– Что такое? Ты волнуешься?

– Немного. Даже не знаю...

– Все будет хорошо. Все наладится, обещаю...

– Откуда такая уверенность в грядущем дне?

– Не знаю. Я просто верю в лучшее. Иначе мы все давно сломались бы...

– Уже. Мир совсем не тот, каким был когда-то. Ты же это понимаешь?

– Конечно. И все это – ступень прогресса. Мы справимся. Наши предки справлялись со всем этим. Справимся и мы. Главное быть рядом друг с другом.

– Люблю тебя.

– И я тебя.

– Жаль, что все происходящее – сон. Как бы мне хотелось встретиться с тобой...

– Что? Сон?..

Анайм. 2137 год.

– Ну же, Канис... Перестань, пожалуйста! Идем домой!

– Гав-гав. Гав-гав, гав-гав-гав.

– Ну так же нельзя себя вести, Канис. Так упрямо и жестоко по отношению ко мне. Прошу, хватит хулиганить. Пошли домой. У меня еще много других дел, понимаешь?

– Гав-гав-гав!

– Ха-ха... Конечно, кого же я об этом спрашиваю? Конечно, ты ничего не понимаешь...

Черношерстный песик по кличке Канис¹ вновь разразился отрывистым лаем, упрямо отказываясь сдвинуться с места. Его хозяйка – миловидная молодая девушка – настойчиво тянула поводок, напрасно пыталась силой увлечь за собой и приманивала питомца, но тот продолжал стоять как вкопанный. Раздосадованная девушка в сердцах топнула ногой, отошла к скамейке и демонстративно плюхнулась на нее. Канис тут же уселся рядом. Вывалив язык, посмотрел на хозяйку с выражением абсолютного собачьего счастья – именно этого момента он, кажется, и ждал все это время.

– Недотепа пушистая... И слегка потрепанная! – в сердцах воскликнула девушка, уткнув руку в подбородок. – И что мне с тобой делать? Ты хочешь сказать, что не любишь меня? Верно?

Девушку звали Майрой². Ей было 24 года, а рост составлял около 170 сантиметров. Огненные волосы цвета пряного заката мягко струились по ее плечам и голове, кокетливо прикрывая правый глаз. Лицо украшала россыпь естественных веснушек, придававших образу особое очарование. На левой щеке виднелась небольшая аккуратная татуировка в форме сер-

¹ Канис (от лат. «Canis») – собака.

² Майра (от лат. «Mīrum») – изумительная.

дечка. Наряд девушки состоял из синего платья и коричневых сандалий. Неподалеку от нее расположился верный спутник – милый черный песик Канис, своей внешностью напоминающий Тотошку из «Волшебника Изумрудного города».3

Майра жила в большом и красивом городе. Анайм4. Он удачно расположился на маленькой планете Парвус5, которая была одной из немногих, что существовали в Галактике С-14766. Это было воистину волшебное место, где душа словно распускалась от счастья, а сердце пело. Величественные стеклянные небоскребы тянулись к звездам, отражая невероятной красоты закаты. Вокруг города простирались дивные поля и густые хвойные леса, создавая пейзаж совершенной гармонии. Казалось, что вся жизнь здесь текла размеренно и гладко, подчиняясь заранее написанному сценарию безупречной идиллии. Вот только...

Вот только в жизни Майры эта идиллия была лишь фасадом. Проблемы на работе наваливались одна за другой, уничтожая под собой всякое спокойствие. Коллеги казались вечно раздраженными и отстраненными. Проблема коммуникации, поразившая все современное общество, ощущалась здесь особенно остро. И самое страшное заключалось в том, что никто – совершенно все – не желал замечать эту всеобщую беду. Нарастающие трудности оставались без внимания, а люди продолжали медленно тонуть в глухой депрессии и всепоглощающем чувстве апатии.

Поэтому Майра стала писательницей по собственной воле. Каждый вечер она сбегала в свои вымышленные миры и далекие Вселенные, где могла без утайки говорить обо всех язвах современного общества. Лишь на страницах своих произведений ей удавалось выплеснуть всю накопившуюся горечь, боль и злость на окружающую реальность. Только в мире собственных историй она по-настоящему что-то чувствовала. И только ее герои могли позволить себе купаться в любви – том самом чувстве, которое казалось для самой Майры навсегда утраченным.

В любви милого паренька, которого на самом деле никогда не существовало в ее реальности. Майра создала его образ сама, соткав его по крупицам из обрывков собственных снов и потаенных желаний. Этот вымышленный персонаж получился настолько живым, глубоким и настоящим, что девушка незаметно для себя всей душой привязалась к нему.

От этой мысли слезы сами покатились по щекам, и девушка спрятала лицо в ладонях. Канис тут же перестал таявкать и затих, словно ощутив боль своей хозяйки. Майра не пыталась сдерживаться – она позволила эмоциям полностью захлестнуть ее. И у нее не было ни малейшего желания успокаиваться, потому что именно сейчас, сквозь горькие слезы на губах, она чувствовала себя по-настоящему живой.

Майра даже не смела ругать себя за это, но...

Остановиться уже не могла. Слезы лились, как говорится, рекой.

– Пойми меня, Канис... – всхлипывая, проговорила девушка. – Только ты у меня и остался. Знал бы ты, как мне одиноко... В фильмах, книгах, музыке... куда ни сунься, везде говорят о влюбленных парочках. Как они держатся за руки, смеются, целуются. Даже в Анайме такие есть. Те, кто еще не сдался. Те, кто еще могут что-то чувствовать. Я думаю об этом, и сердце болезненно сжимается от осознания, что мне ничего такого не светит. Но вопреки всему я все равно дрожу от умиления и продолжаю верить в свое светлое будущее. Почему? Потому что хочу таких же теплых объятий, нежных поцелуев, простой человеческой ласки и

³ Речь идет о книге «Волшебник изумрудного города» от А. Волкова.

⁴ Анайм (от лат. «Exanimatio») – ужас.

⁵ Парвус (от лат. «Parvus») – маленькая.

⁶ Галактика С-147, где разворачиваются события повести, удалена от оригинальной Галактики С-21 (оригинального мира Вселенной I-ой Фазы и Земли С-21 из произведений «Лабиринт Судьбы», «Путь Тьмы», цикла «Хранители времени» и других) на 14 поколений.

заботы... А сама каждую ночь думаю лишь о парнишке из своих снов. О парнишке, которого даже не существует.

– Ты ошибаешься, Майра. Ты не так одинока, как думаешь. Со стороны, как говорится, виднее. – послышался приятный голос, прозвучавший рядом с Майрой. Подняв заплаканный взгляд, девушка замерла. Прямо перед ней стоял тот самый парень, о котором она с такой болью говорила своему псу. Парень тихо хмыкнул и, тепло улыбнувшись, плюхнулся на скамейку. Не говоря ни слова, он притянул Майру к себе и крепко обнял, прижав ее голову к своей груди. Девушка лишь почувствовала его ровное дыхание и знакомый – хоть и невозможный – аромат из своих снов. Под этим надежным прикосновением слезы сами собой начали стихать, уступая место тихому, почти детскому умиротворению. – И ты не одинока в своих суждениях. В своей эмоциональной боли. Просто ты...

– Мэб⁷? Это действительно ты? – Майра перебила парня, потрепав его за мягкую щеку. – Я же не сплю, верно? Но...

– Даже не знаю, Майра. – протянул парень, мечтательно посмотрев на облачное небо. – Но Мэб – это действительно я.

– Но... Мэб...

– Ты же умеешь чувствовать тонкую грань между своими иллюзиями и реальностью, Майра. Думаю, что ты знаешь ответы на большинство своих вопросов.

– Но, я... Ясно. Снова сон, да?

– Не буду этого отрицать. Я пришел не для того, чтобы обсуждать грань между твоими снами и реальностью. Пришел за тем, чтобы помочь.

– С чем? Справиться с эмоциональной болью? Или с проблемами по работе? С Канисом, который не хочет идти домой?

– Канис? Ты же говоришь про своего милого пса, верно? Но, Майра... его тут нет. И не было. Это...

Майра молча кивнула, с горькой ясностью осознавая иллюзорность происходящего. Это был всего лишь сон. Стало очевидно, что пса здесь на самом деле нет. Как, возможно, не существует и этого парка, где она только что гуляла с Канисом. Вся эта живая, дышащая картина была лишь метафорой – красивой декорацией для ее внутреннего мира. А на деле этот трогательный диалог у скамейки оказался простым монологом Майры со своим собственным под-сознанием.

– Знаешь... Мне совсем не важно, нужна ли тебе какая-то помощь или нет. Я пришел, потому что увидел, как тебе плохо. Хочу быть рядом и поддержать тебя, насколько это вообще возможно.

– Мне достаточно того, что ты рядом. Хоть это и сон. – всхлинула Майра, сильнее прижимаясь к груди Мэба. – Ты ведь не бросишь меня тут одну?

– Но... – Мэб запнулся, задумавшись. – Майра, но у меня же совсем нет выбора.

– Выбор есть всегда. Вопрос лишь в том, готовы ли мы к принятию верного решения. Порой самое сложное – полюбить себя. Позволить себе быть счастливым, нужным и полезным. Не каждый понимает свою ценность и индивидуальность, Мэб. Поэтому современное общество Анайса утопает в апатии. Не все, но... большая часть населения. Остальные скрываются, чтобы не стать посмешищем у большинства.

– Я об этом даже не задумывался. – хмыкнул Мэб, начиная играть с волосами Майры. – Я живу чуть иначе – по другим принципам. Не закливаясь на том, что может эмоционально сломать меня. Так проще жить. Да что уж тут говорить... Начинаешь замечать то, чего раньше просто не видел... И это очень круто.

⁷ Мэб (от лат. «Amabilis») – милый.

– Я устала от этого, Мэб. От безразличия и равнодушия. От боли и чувства опустошения. От рутины и проблем. Я просто хочу покоя. Разве я прошу многого? Лишь спокойствия, любви и поддержки. Это же...

– Я понимаю тебя, Майра. – Мэб кивнул, сохранив задумчивое выражение лица. – Потому что мне этого тоже отчаянно не хватает, но... Подумай, кем мы станем, если заиклимся на этой пустоте? Я просто стараюсь идти дальше. Пытаюсь, по крайней мере.

– Получается?

– Даже не знаю. Думаю, да. Все-таки я вижу, как некоторые люди принимают меня. Признают то, что я делаю. В их вере и понимании я нахожу свое настоящее признание.

– Полегчало?

– Конечно, Майра. Признаться, я ожидал несколько иного отклика, но... результат оказался тем же. Люди стали замечать то, чего раньше в упор не могли разглядеть. И я верю, что именно так они смогут стать более человечными. Теми, кем всегда и были.

– Мэб, что...

В паре кварталов от парка внезапно взвыли сирены, резко оборвав мысли Майры. Что это было – полиция, пожарные или скорая помощь – оставалось загадкой. Однако Мэба эти звуки явно насторожили. Он тут же вскочил с лавочки и принялся напряженно осматриваться по сторонам. Словно сама судьба не хотела, чтобы разговор между этими двумя продолжался. Майра заметила тревогу, промелькнувшую в глазах парня, и ее собственное сердце тоже испуганно сжалось.

Мэб дал ей толчок для легких переживаний.

– Что случилось, Мэб? – спросила она, стараясь не показать тревогу в голосе.

– Прости, но... Мне пора. – коротко ответил Мэб и подскочив к Майре, чмокнул ее в лоб. – Мы еще увидимся. Обещаю...

– Ты ничего не хочешь мне сказать? Что-то мне подсказывает...

– Хочу, но... Не сейчас. Я найду для этого более подходящее место. И время.

– Что ж... Тогда...

– Не забудь погулять с Канисом по парку. – улыбнулся Мэб, подмигнув девушке. – Станет полегче. Прогулка – то, что тебе сейчас нужно больше всего. Просто поверь мне.

– Я верю, Мэб. Верю.

– Что ж... прощай, Майра. Увидимся в другой раз...

Мэб начал быстро удаляться от Майры, переходя на быстрый шаг. Затем он сорвался с места в полную силу, пересек дорогу по пешеходному переходу и мгновенно скрылся из виду в темном проулке между домами.

– Про...

Глаза Майры резко распахнулись. Взгляд уперся в потолок. На улице, совсем рядом, действительно выли сирены. Именно их пронзительный визг и вырвал девушку из сна, безжалостно отбросив прекрасного Мэба обратно в небытие. От этой мысли стало горько. С тяжелым сердцем и обрывками чудесного сновидения в голове она села на кровати, устало протирая глаза.

Рядом на кровати сидел Канис, свесив набок язык. Он тихонько тявкал и с любопытной, довольной мордой смотрел на Майру, словно пытаясь понять, что же ее так расстроило. Заметив своего верного друга, девушка улыбнулась сквозь остатки тревоги. Она спустила босые ноги на пол и хорошенько потянулась, разминая затекшие мышцы. В комнату били яркие солнечные лучи, рисуя на полу длинные тени – одну стройную, женскую. Другую – маленькую, собачью. Выходной обещал быть хорошим.

– А вот и ты, Канис. – усмехнулась Майра, тиская пса за пушистые щечки. – Как спалось? Хочешь кушать?

– Гав-гав. ГАВ! – пролаял пес и завиляв хвостом, умчался на кухню, чем вызвал у Майры новую улыбку.

– Подожди, недотепа пушистая! – вскричала Майра, распахивая дверцу шкафа, в котором висела ее одежда. – Сначала пойдем на прогулку, понял? Потом позавтракаем.

– ГАВ-ГАВ-ГАВ! – послышалось радостное тьяканье с кухни. Майра, надевая синее платье, выглянула в коридор. Канис уже сидел у входной двери, не сводя взгляда с дверного проема ее комнаты.

Майра лишь тихо усмехнулась, смахнув непослушную прядь за ухо, и вышла из комнаты. Обувь сама, словно почти без ее участия, оказалась на ногах. Вскоре девушка уже шагала по лестнице вместе с Канисом, направляясь в сторону парка – их любимого места для прогулок.

Девушка шла в парк, где видела Мэба. Во сне. словно это было пару минут назад. В парк, где она любила его.

Всем сердцем...

Ох уж это равнодушие... Оно было повсюду. Весь Анайм, казалось, был пропитан им насквозь – от стеклянных шпилей небоскребов до самых дальних окраин. И это дико раздражало. Ситуация выглядела так, словно всех все устраивало, и эта всеобщая апатия бесила больше всего.

Всех устраивало? Нет... Всех, но только не Мэба. Он не мог смириться с этими проблемами, а потому быстренько нашел способ самовыражения.

Зачем же он это сделал? Он ведь мог просто махнуть на все рукой, как и остальные, продолжая жить своей размеренной, обычной жизнью. Да, Мэб вполне мог так поступить и ровным счетом ничего бы не потерял. Но... Он никогда не искал легких путей. Это было попросту не для него. Какой смысл выбирать протоптанную тропу, если можно отыскать свет даже во тьме?

В конце концов... А кто такой Мэб? Он всегда был простым парнем. 26 лет. Светлые волосы. Черные толстовка и трико. Белые кроссовки. Отец ушел, когда он был совсем маленьким. Мать погибла в автокатастрофе. Его мало кто понимал. Его чувства, мысли, точку зрения – все это оставалось за кадром. Его попросту не слышали, потому что искренне не хотели слушать. Ему постоянно приходилось сталкиваться с глухой стеной безразличия, когда всем было плевать на его мнение лишь потому, что оно отличалось от мнения большинства. Мэб не любил спорить и никогда не навязывал свою позицию другим, но... Чаще всего он знал, что прав. Как минимум потому, что обычно разбирался в теме гораздо лучше тех, с кем вступал в дискуссию.

Совсем недавно Мэб, как обычно, пришел на работу. Переодевшись, он направился в мастерскую ожидать указаний на день. Там его коллеги о чем-то бурно спорили, обсуждая тонкую и болезненную тему для самого Мэба. Суть их рассуждений и итоговые выводы совершенно его не устраивали, потому что... они были действительно неправы. Конечно, у каждого было полное право на собственное мнение – это качество Мэб искренне уважал в людях, – но... Вот уже несколько дней подряд они раз за разом возвращались к одному и тому же. Каждый божий день – одно и то же. Ему до тошноты надоело выслушивать этот поток бреда, негатива, глухой ненависти и взаимных оскорблений. Со стороны все выглядело так, словно эти люди пытались натянуть маленький кусок резины на огромную задницу: бессмысленно, грязно и обречено на провал.

Поэтому однажды Мэб просто не вытерпел. Он подошел к коллегам и спокойно сказал, что они ошибаются. Что на самом деле ситуация имеет совсем другой оборот. И именно тогда его окатили волной словесной грязи. Мэб не стал спорить или оправдываться. Он просто молча развернулся и ушел прочь.

А внутри бушевало дикое желание ударить их. Врезать по этим самодовольным лицам. Потому что Мэб разбирался в том, что они обсуждали, до мельчайших деталей. А они – нет. Но он сдержался. Сцепил зубы и молча проглотил свою злость, оставив едкое мнение при себе.

Больше Мэб с ними не разговаривал.

С ними было не о чем разговаривать. Они навсегда погрязли в той самой яме деградации, которую сами для себя и вырыли. И это бесило Мэба еще сильнее. Сильнее, чем когда бы то ни было...

– Ты никогда не думал о том, что они тебе попросту завидуют?

– Мне? Но...

– А как еще это объяснить, Мэб? Не все же люди настолько тупые, какими кажутся, верно?

– Да, но... я не могу ничем похвастаться, Майра. Совсем ничем. Поэтому и завидовать тут совершенно нечему. Порой мне кажется, что ребята на самом деле даже не понимают, о чем говорят. А иногда – что они вообще ничего не смыслят в этой жизни, ведь...

– Успокойся, Мэб. Мы все ошибаемся. Раз за разом. Каждый из нас разбирается в чем-то лучше другого. И наоборот. Это нормально. Главное то, что ты это понимаешь. Все-таки в мире должен быть некий баланс среди людей и потока информации. Нас очень много и все мы совершенно разные. Это и делает нас прекрасными.

На обвалившейся стене какого-то заброшенного здания – то ли бывшего магазина, то ли школы, а может, старого завода или жилого дома – сидела рыжеволосая девушка в синем платье. Впрочем, это было совершенно неважно. Важным было лишь то, что она была рядом. А именно этого Мэбу так отчаянно не хватало в его реальной жизни: чьего-то теплого присутствия, искреннего понимания, простой заботы и надежной поддержки... Все это ему давала Майра. Девушка, которую он каждую ночь видел в своих снах. Та, которую никак не мог забыть. Которая была ему глубоко симпатична. Милая, невероятно красивая и чуткая. Майра.

Она действительно понимала Мэба. Чувствовала его настроение без лишних слов. Знала, о чем он думает. Понимала причину его глухой тоски и тихой грусти. Знала, потому что сама сталкивалась с теми же проблемами. С тем же ледяным равнодушием. С той же вязкой апатией, которая поглотила жителей Анайма. Поэтому Мэб так отчаянно дорожил сновидениями, в которых появлялась Майра. Дорожил каждым мгновением рядом с ней, потому что... любил?

Разве можно полюбить девушку, которой не существует? Ту, что является лишь плодом воображения и приходит к тебе только в снах. Такое вообще возможно?

Впрочем... Стоило ли вообще задаваться этим вопросом в мире, который уже давно поглотили равнодушие, глухая тоска, всепроникающая апатия и тотальное безразличие?

– Понимаю твои переживания, Майра, но... – Мэб призадумался, присаживаясь рядом с девушкой. До этого он стоял у нее за спиной, наслаждаясь прелестным морозящим дождем, который накрыл Анайм. Но сквозь серые тучи уже пробивались теплые лучи солнца. Эта игра света и теней создавала поистине прекрасную картину. – С этим же нужно что-то делать. Людей кто-то должен вразумить. Показать им то, что они упускают из виду. Напомнить, кем они на самом деле являются. И я... пытаюсь это сделать. Вот только не знаю, могу ли заполучить хоть какой-то отклик в их сердцах. Как думаешь?..

– Мэб... – Майра перебила парня, позволив себе улыбнуться. – Ты не сможешь изменить всех людей, населяющих Анайм. Все равно найдутся те, до кого никто не сможет достучаться. Понимаешь?

– Я и не хочу кого-то менять, Майра. Это не в моих силах. Да и у меня нет таких прав – решать за других. Менять их судьбу, навязывать свои мнения и взгляды на жизнь. Я могу лишь показать. Научить. Вразумить. Поворошить память. А все остальные решения люди должны принять сами.

– И что же ты сделаешь для этого? Толкнешь речь в центре города?

– Нет, Майра. Лучше.

– Например?

– Прости, но... пока не могу сказать. Всему свое время. Я обязательно расскажу тебе, но... в более подходящем месте. Когда придет время...

– Мы встретимся?

– Кто ж знает... Думаю, да. Жизнь – штука непредсказуемая. Рано или поздно...

– Но... это же невозможно, Мэб. Мы...

– Я в это верю, Майра. В глубине души – я романтик. Художник. Моя работа – рисовать красивую картину жизни, пусть и у себя в голове. Поэтому... я буду верить в то, что судьба сама столкнет нас друг с другом.

– Хорошо. Тогда и я буду в это верить.

– Вот и славно. – Мэб, улыбнувшись, наклонился к Майре и кротко поцеловал ее в губы. Девушка улыбнулась и мечтательно устремила свой взгляд к горизонту, усеянному блеклыми тучами.

– Думаю, что мне пора. – сказала Майра. Ее голос был переполнен тревогой, жалостью, тоской и грустью. – Прости...

– Уже уходишь?

– Да. Нужно погулять с Канисом.

– Мы же еще встретимся?

– Конечно. Как же еще?

– Спасибо, Майра. За то, что ты всегда остаешься рядом. Я...

– Не надо, Мэб. Скажешь потом. Тогда, когда придет время.

– Хорошо, тогда я тоже пойду. У меня еще...

Глаза Мэба резко распахнулись. Он рывком сел в кровати и судорожно осмотрелся по сторонам, моля небеса о том, чтобы Майра оказалась рядом. Но... нет. Он находился у себя дома. Над головой поблескивал гладкий натяжной потолок, отражая солнечные лучи, бьющие в окно. Вместо привычного заброшенного пустыря – знакомая комната. Все произошедшее снова было лишь сном. Проклятым, до боли грустным сном.

Сном, наполненным редким и пронзительным пониманием. А ведь Мэб был в шаге от того, чтобы сказать Майре правду. О себе. О своих чувствах. Может быть... не стоило медлить? Как бы она отреагировала на это?

Мэб даже не мог предположить, как бы все обернулось. Но был почему-то абсолютно уверен, что во сне все прошло бы гладко. С этой мыслью он поднялся с кровати, протер глаза и начал одеваться. Взгляд упал на настенный календарь: там красовался долгожданный выходной. Настроение Мэба слегка поднялось. Это означало, что можно без спешки прогуляться по городу. Сделать давно задуманное дело. И тогда мир точно станет чуточку лучше.

Вот только... приносили ли труды Мэба хоть какие-то плоды?

Этого он не знал.

Но он точно знал, что узнает. Рано или поздно, но узнает...

Тогда и станет ясно, что делать дальше...

Еще одна черточка. Обвести в кружок. Закрасить черным. Сделать пару меток и оставить фирменную подпись. Все. Рисунок готов. Оставалось лишь надеяться, что другие люди обязательно его заметят. Заметят и поймут тот смысл, ту суть, которая была заложена в этот простой уличный рисунок.

Мэб искренне верил, что рисунок на двухметровой двери старой трансформаторной подстанции найдет отклик в сердцах людей. Они обязательно все поймут. Возможно, кто-то даже

изменит свои взгляды на жизнь. Большого и не требовалось. Главное – достучаться до людей. Показать то, что они упускают из виду день за днем. Показать им, что такое настоящая...

Любовь? Неужели...

– Ладненко... – пробурчал Мэб, закидывая баллончики с краской в рюкзак. Те лишь глухо звякнули и тут же скрылись в темной ткани. Парень почесал затылок, раздумывая, куда двигаться дальше. Взгляд зацепился за очертания ТП-458⁸, которая находилась неподалеку от РП-49⁹, около которой он сейчас стоял. Идея была просто замечательной, поэтому Мэб невольно улыбнулся: значит, сегодня получится сделать еще что-нибудь стоящее. Эта мысль не могла его не радовать. – Что ж... отличная идея. Пойду к ТП-45.

Но Мэб не успел сделать и шага. Его отвлек чей-то полухриплый голос. Обернувшись, он увидел пожилую женщину с тростью. Сейчас она в полном недоумении переводила взгляд с рисунка на парня, затем все то же самое, но в обратном порядке. Мэб смутился и тут же потупил взгляд. Ситуация начинала накаляться. Он отчетливо это почувствовал.

– Батюшки... как же так-то? – бабушка изумленно взмахнула тростью, указывая на свежий рисунок, нанесенный на дверь. – Зачем ты это сделал, парень? Ведь испортил такую хорошую дверь. Так нельзя.

– Простите, я не хотел вас обидеть. – Мэб стал оправдываться, размахивая руками в знак примирения. – У меня не было и мысли о том, чтобы что-то испортить. Просто...

– Именно это, внучок, ты и сделал. – бабуля тут же перебила парнишку, продолжая разглядывать рисунок. – Своим рисунком ты добавил работы электромонтерам. Теперь им придется закрашивать это добро. Представляешь, сколько лишних хлопот из-за твоего рисунка?

– Догадываюсь. Но... я лишь хочу достучаться до людей! Хочу заставить их увидеть чувства, от которых они прячутся. Показать, что любовь не угасла. Разве можно так? Мы ведь теряем себя. Забываем, кто мы есть на самом деле...

– Не буду спорить, парень. Но и так тоже поступать нельзя. Это же вандализм. Следовало выбрать иной путь решения данной проблемы. Разве ты не догадался лицензировать свои работы на интернет-платформах? Хотя... должна признать – рисунок вышел на удивление очень красивым. Чувствую, как много души ты вложил в него. Догадываюсь о замысле с этими цепями – их проработка просто великолепна. Но закрыть глаза на это я тоже не могу, понимаешь?

– Простите...

– Я вызову полицию, но... думаю, у тебя еще есть возможность сбежать. Что будет дальше – уже не моя забота. Успеешь скрыться – значит, так тому и быть. А нет – придется отвечать за свои поступки.

– Спасибо. Я не забуду вашей доброты.

– Ступай. И все же подумай о лицензировании своего творчества. Поверь моему слову: разрисовывая двери трансформаторных будок, ты не достучишься до всех жителей Анайма. Такие же старики, как я, поймут твои работы, но остальные... Не каждому дано почувствовать любовь к матери, искусству или жизни. Любовь к родному городу, друзьям, учебе в школе или университете. К жене, детям. Ты прав, парень – мы стали забывать обо всем этом. В мире, где все заполнили проклятые нейросети и интернет-контент, наш Анайм уже совсем не тот, что прежде. Но это путь прогресса, ничего не поделаешь. И знаешь... Я уверена, что именно благодаря таким неравнодушным людям, как ты, у нас есть шанс одуматься. Изменить отношение к жизни, к интернету и к любви. К тому, как мы используем все это на ежедневной основе. Главное – найти правильный способ говорить с людьми.

– Я чрезмерно рад тому, что вы меня понимаете. До свидания. Всего вам хорошего!

⁸ ТП-45 – трансформаторная подстанция №45.

⁹ РП-4 – распределительный пункт №4.

– Удачи, сынок. Надеюсь, что у тебя все получится. Дай-то Бог дожить до этого дня и уйти из жизни по-настоящему счастливой, с верой в будущие поколения. Ступай. И помни о том, что сегодня произошло.

Мэб кивнул и бросился бежать. До ТП-45 он добрался быстро. Так же стремительно оставив на ее стене новый рисунок, он устремился в сторону дома. На сегодня с него хватит граффити – слишком велик риск быть пойманным или раскрытым. Нужно отдохнуть, а через пару дней, когда все уляжется, можно будет вернуться к рисункам.

В соседнем квартале уже завывали сирены – полиция была совсем рядом. Мэб не держал зла на бабушку за ее звонок. Она ведь поняла его. Почувствовала все то, что он пытался сказать своим рисунком. И в то же время она просто исполнила свой гражданский долг. Попыталась вразумить хулигана и вызвала полицию, чтобы те присмотрели за районом, где какой-то бездарь носится по улицам и расписывает стены трансформаторных подстанций, помоек, магазинов и школ. Мэб знал: окажись он на ее месте, поступил бы точно так же. Иначе нельзя. Иначе ты предашь свою веру в людей. Откажешься от собственных слов, принципов и идей. Так было правильно.

За поворотом начинался парк «Природа Анайма». Мэб жил совсем рядом. Всего-то 500-600 метров – и он спасен. Он искренне надеялся, что все обойдется. Что его идеи не окажутся напрасными. Что люди поймут, ради чего он это делает.

С этими мыслями он завернул за поворот – и тут же с размаху врезался лбом в девушку. Оба рухнули на асфальт, потирая ушибленные места. Мэб мгновенно пришел в себя, вскочил и помог девушке подняться, подхватив ее под локти. На ней было легкое синее платье и коричневые сандалии, а рыжие волосы трепетали от малейшего дуновения ветра. Рядом радостно вилял хвостом черношерстный пес.

– Простите меня, пожалуйста. – затараторил Мэб, разглядывая девушку. – Я сегодня чересчур неуклюжий. Извините. С вами все в порядке?

Девушка подняла взгляд. Ее красивое лицо, усыпанное естественными веснушками, засияло в лучах солнца. Мэб замер, не в силах отвести от нее глаз.

– Да, все в порядке. – проговорила девушка, поправляя прядь своих рыжих волос. Ее голос звучал мягко и нежно, лаская слух. Мэб не мог пошевелиться, внезапно осознав всю правду – правду о своих прошлых иллюзиях. – Мне нужно внимательнее смотреть по сторонам. Просто я...

– Пойдите... – Мэб перебил девушку, наконец найдя в себе дар речи. – Неужели... Вы... Майра? Это ведь действительно вы? Я не сплю, да?

– Что? – девушка удивилась, внимательнее вглядываясь в лицо парнишки. – Откуда вы... Мэб? Ты... действительно существуешь? Неужели это действительно...

– Майра... – Мэб всхлипнул и, шагнув к девушке, крепко ее обнял. Она в ответ тепло улыбнулась и прижала его к себе. Черношерстный песик радостно затыкал, виляя хвостом еще сильнее. – Я так рад! Ты действительно существуешь! Я так скучал по тебе...

– Не надо, Мэб... – захныкала Майра, крепче вцепившись в парня. – Я же разрыдаюсь. Не стоит...

– Я верил... Знал, что ты действительно существуешь. – проговорил Мэб, поглаживая Майру по макушке волос. – Всегда знал, что мы обязательно встретимся. Просто...

– Я тоже рада, Мэб. Я и мечтать не могла о том, что мы когда-нибудь встретимся. Но... почему? Как такое возможно? Неужели мы видели друг друга во сне?

– Похоже, что так, Майра. – усмехнулся Мэб, отстранившись от девушки. Только сейчас он понял, что все произошло слишком резко. Мэб смутился, осознав, что ненароком нарушил личные границы Майры. Девушка тоже зарделась от смущения и вцепилась одной рукой в другую. – Но я не просто видел тебя во снах. Ты направляла меня, помогала и поддерживала,

давала советы. Я столько раз мог попросту сдаться, но не сделал этого лишь благодаря тебе. И сегодня я вышел в город тоже из-за тебя.

– Но... ты ведь тоже поддерживал меня. Это ведь ты сказал мне прогуляться с Канисом по парку. Звучало так убедительно, что я поверила. По-настоящему захотела пойти на прогулку. И мне действительно стало немного легче.

– Это я так сказал? Тебе? Но... – Мэб снова потерял дар речи, о чем-то задумавшись.

– Да. Потом завyli сирены, ты убежал. И я проснулась.

– Сирены? Неужели мы...

– Все это время...

– Синхронизировались во снах?

Мэб и Майра, поняв, что заканчивают фразы друг за друга, искренне рассмеялись. Им обоим было так легко вместе, словно они дружили уже много лет. Сама атмосфера казалась удивительно теплой, мягкой и уютной. И это радовало их обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.